

С тех пор как Цзюнь Улэй принял Хрустальную шелковицу, он обнаружил, что в его теле пробудилась духовная сила невероятной мощи. Благодаря выдающимся боевым способностям он постепенно завоевал признание жителей Царства демонов. Менее чем за два года он поднялся до звания Великого Хранителя Дхармы, встав в один ряд с Верховным жрецом и получив громкий титул Первого воина Царства демонов. Теперь он мог открыто стоять рядом с тем благородным мужчиной на высоком подиуме, став его верным соратником. Наконец он снова стал на шаг ближе к своей цели.

Подняв руку, он коснулся своих бровей, вспомнив, что в последние дни Мин Юй, казалось, действительно пристально смотрел ему в глаза. Глубокие и отстраненные, эти глаза-фениксы были темнее ночи перед рассветом, и в них невозможно было ничего разглядеть.

Цзюнь Улэй на мгновение застыл. В зеркале линии его подбородка становились все более четкими. Время смыло юношескую мягкость с уголков глаз, костяк стал крепче и осанка — прямой. Кончики пальцев коснулись медного зеркала, и холодок передался коже.

Кого же тот пытался в нем увидеть? В ком заключалась его слабость? Как по-настоящему завоевать его доверие, чтобы тот доверил ему свою жизнь? Как заставить его почувствовать, что его сердце медленно режут ножом и бросают зверям, чтобы он не умер с несправедливостью в сердце, не сомкнув глаз?

Цзюнь Улэй поднял взгляд к окну. На его молодом и решительном лице промелькнула тень жестокости, а в глазах вспыхнул едва сдерживаемый убийственный блеск.

С наступлением ночи, когда зажглись фонари, у дворца, над которым развевалось двадцать три флага с фениксами, два слуги низко поклонились мужчине в шелковом одеянии цвета воды и удалились, оставив его одного у высоких дверей. Его силуэт в свете свечей казался размытым.

Цзюнь Улэй поднял глаза. Перед ним возвышался Халцедоновый дворец, украшенный золотом и нефритом, — покои Короля демонов. В темноте он слабо отсвечивал золотом, выглядел невероятно величественно.

Прошло меньше месяца с тех пор, как он получил пятьсот ударов плетью, и внезапный вызов Короля демонов застал его врасплох, вызвав в душе беспокойство. Несколько раз пройдясь взад-вперед, он стиснул зубы, поднял руку и толкнул дверь, украшенную резным девятирусным фениксом, и скользнул внутрь.

Он прошел по длинному коридору, не встретив никаких препятствий, и вскоре остановился у входа во внутренние покои. В воздухе витал густой аромат сандалового дерева. Он слегка сморщил нос, привыкая к свету, и при лунном свете, падавшем из окна, быстро разглядел занавески, опущенные вокруг кровати.

Шаг за шагом приближаясь к черному ложу, он чувствовал, как учащается сердцебиение, дыхание становится тяжелым, а ладони покрываются холодным потом. Но его взгляд был ясным и твердым.

В Царстве духов он не раз думал, что мог бы провести всю жизнь спокойно с Хуа Фэйбаем на Горе Безмятежности. Каждый день пить с ним вино, выгуливать птиц, бродить по лесу, слушая пение птиц и стрекотание насекомых, сидеть с ним плечом к плечу на ветвях деревьев, глядя на яркие звезды, наслаждаясь ночным дождем в горах и наблюдая, как цветы распускаются на полях.

Когда-то Цзюнь Улэй смеялся во сне, пока внезапно не почувствовал, как ему щекочет нос. Открыв глаза, он увидел, что Хуа Фэйбай с отвращением щиплет его за нос, его изящный палец указывает на воротник, промокший от слюны, а прекрасные брови недовольно сдвинуты. Он еще не успел прийти в себя от красоты этого лица, как уже оказался на полу, сброшенный с кровати, а в ушах прозвучал ясный и приятный голос:

— Цзюнь Улэй, предупреждаю тебя, три дня ты не будешь спать на моей кровати!

С какого-то момента он каждый день видел во сне высокую фигуру в развевающемся красном одеянии и слегка красноватую слезинку под глазом, которая, подобно крылу бабочки, трепетала, готовясь взлететь.

Его теплые зрачки были ясными и глубокими, острый подбородок слегка приподнят, а ямочки на щеках едва заметны. От него исходил легкий аромат персиковых цветов, и бледно-розовые лепестки кружились в воздухе, подобно снегу или песне.

Внезапно картина изменилась. Хуа Фэйбай был прибит к четырем деревянным столбам, его глаза широко раскрыты и пусты, а позади него уже раскинулось море крови. Его кишки и желудок кишели змеями, а его красное, бьющееся сердце было разорвано на бесчисленные клочья зубами злой собаки, окрашивая половину неба в багровый цвет. Клочья падали с неба, превращаясь в кровавую реку!

Нет! — А-Фэй!

— Что, ты пришел в мои покои ночью, чтобы просто стоять? — раздался низкий мужской голос из-за занавесок, а на свече треснул фитиль.

Цзюнь Улэй широко открыл глаза и устремил взгляд в сторону голоса. В темноте он увидел высокую фигуру, лежащую на боку на роскошном ложе, которая смотрела на него с легкой усмешкой. Его слегка насмешливые глаза-фениксы были остры, как у ястреба, а взгляд — глубоким и непостижимым.

Цзюнь Улэй никогда не знал, что его зрение настолько острое. Ужасающая красная маска-демон закрывала лоб и переносицу Короля демонов, а его подбородок был белым, как нефрит. На губах еще не исчезла насмешливая улыбка. Его облегающая одежда с вышивкой индиго и серебром была свободно наброшена на плечи, волосы не были убраны в пучок, а лишь перехвачены золотой лентой, и черные пряди рассыпались по спине.

С тех пор как Мин Юй победил предыдущего старого Короля демонов Ханьчжана и стал новым правителем, он носил маску демона, никогда не показывая своего лица. Его глаза-фениксы были слегка приподняты, создавая ощущение холодной отстраненности, словно зимний снег, но при ближайшем рассмотрении в них была нежная, проникающая в кости притягательность.

Сердце Цзюнь Улэя внезапно забилося сильнее. В тот миг кровь в его жилах забурлила, словно в огне. Этот мужчина был тесно связан с Хуа Фэйбаем, и ненависть, подобная приливу, хлынула в его сердце, почти не оставляя места для сокрытия.

Внезапно перед ним оказалось холодное лицо Мин Юя. Цзюнь Улэй почувствовал холод на щеке, когда длинные пальцы коснулись его кожи. Его сердце на мгновение замерло.

Мин Юй молча смотрел на него, его выражение было холодным, но на мгновение в его глазах-фениксах, поднятых к вискам, промелькнула рябь, которая тут же исчезла, оставив лишь легкое отвращение и насмешливую дерзость.

— Ты действительно готов на все, чтобы соблазнить меня, осмелившись нарушить мой приказ и отозвать войска с Трех островов Южного моря, что нанесло Семи областям столь значительный урон? Теперь ты добился своего, и я действительно проникся к тебе интересом. Каков твой следующий шаг, мой Великий Хранитель Дхармы?

Мин Юй убрал руку, увидев, что тот внезапно замер, и лишь тихо усмехнулся.

— Сначала ты приставал, как назойливое насекомое, с твоими странными уловками. Затем, чтобы остаться рядом со мной, неоднократно просил отправить тебя на войну. А теперь используешь этот низкий прием с самопожертвованием, чтобы вызвать мою жалость. Мой дорогой Цзюнь, как ты теперь планируешь соблазнить меня на свою постель?

— Говорят, в Царстве духов ты ухаживал за моим новым королем, и это наделало много шума. Что, так быстро переключился? Или, может, Хуа Фэйбай, твоя прежняя опора, исчез, и ты поспешил найти нового покровителя?

Сарказм и презрение в его словах были очевидны, но Цзюнь Улэй, словно замороженный, смотрел на это прекрасное лицо вблизи. В ушах стоял звон, он видел, как шевелятся его алые губы, но не слышал ни слова.

Время шло, дни сменялись годами. Те абсурдные юношеские годы давно впитались в кровь Цзюнь Улэя.

Юношеское восхищение и ухаживание, имя «Хуа Фэйбай» уже стало заклинанием, превратившись в его внутреннего демона, подобно ране, которая затянулась, не будучи обработанной, — с виду зажила, а внутри полна гноя, и к ней нельзя прикоснуться.

Любовь к нему не была просто юношеской настойчивостью. Это была привычка, подобная текущему ручью, пронизывающая каждое действие, каждый взгляд, который он бросал на него вслед. Любить его было как дышать — необходимо, неизбежно, невозможно не любить.

Однако сколько было любви, столько теперь и ненависти. Этот мужчина перед ним своими руками убил того, кто был ему и родным, и любимым, и учителем, и братом! Цзюнь Улэй жаждал испить его кровь, разжевать его кости, разорвать его на куски! Но тщательно подготовленная им игра только началась, и в этой смертельной партии ему нужно было сначала бросить важную приманку.

Цзюнь Улэй решительно наклонился и прижался губами к его соблазнительным алым устам.

<http://bllate.org/book/15278/1348700>